

Бакыт

Кариебаева

доктор филологических наук,
профессор, литературовед

ДВИЖЕНИЕ «АЛАШ» И ПРАВДА АБАЯ

Писатель Аймен Игилик ставит перед сегодняшним казахским обществом прямой вопрос: «Хотят казахи познавать Абая или нет? Эй, казахи, как объяснить ваше бегство в пустоту от познания и понимания? Кому вы создаете проблему?! Если вы не полюбите Абая – и мир его не полюбит, если вы не будете восхищаться Абаем – нигде не будут восхищаться. Этого вы желаете?! ...*Лучших из лучших своих сыновей казнили казахи, родных своих детей бросившие и предавшие казахи, пропитанные водкой и анашой, продавшие свое богатство – землю предков казахи. Этому вы научились, в этом вы преуспеваете? В чем здесь вина гениального Абая?* Считаю причитавшего над вашей судьбой гения слишком для себя многотрудным, чего вы добились? Таскаете на себе сегодня мешки, пестрые сумки и коробки...» (журнал «Ақиқат» № 10 за 2015 год) (здесь и далее курсив в цитатах наш. – Б. К.).

С этим воплем души перекликается монолог философа Абдирашита Бакирулы: «Нечего скрывать, мы были обеспечены техническим оборудованием и фабриками: развивая технический потенциал, имели возможность заложить прочный фундамент предпринимательства. Однако во время приватизации все перешло в частную собственность. Торговля превратилась в главную сферу извлечения доходов. Но на развитие общества торговля не оказывает влияния, поскольку в торговле нет новизны. Следовательно, там, где нет новизны, нет поиска и развития. Наоборот, казахский язык и культура посредством засилия иностранных товаров подвергаются экспансии. Таким образом, постепенно ослабляется человеческий потенциал».

Русскоязычные казахи, болеющие душой за наследие Абая, в статье «Бронзовый саркофаг, или Духовный оппортунизм “советстанцев”» связывают сегодняшнюю общественную мысль с Абаем, вслед за ним задавая вопросом: «Думаю, кого среди казахов сегодня я бы мог любить или уважать?» (Абай, слово 22). «Но как можно, ориентируясь на эти тревожащие мысли и наставления, стоя на тех же позициях, не делать, по сути, ничего? Или, отлив Абая в бронзе своих слов, они думают, что “приватизировали” и его, оставив только себе право пользоваться его высоким именем, – но на самом деле топить в этой же бронзе смысл его слов? Тогда это не памятник классику, а бронзовый саркофаг, которым укрывают от “лишних взглядов” то, чего стыдятся» (газета «Деловая неделя» за 16 ноября

2007 года). «Наследников» советского абаеведения их сегодняшние противники в казахской культуре обвиняют в «духовном оппортунизме». Если бы ошибочный вывод Сабита Муканова: «До революции в казахской литературе не было выдающейся личности» вошел сегодня в «авторитарное абаеведение», Абай мог бы просто выпасть из контекста мировой цивилизации.

Однако казахская правда Абая заняла свое крепкое место в истории, а поэт и при жизни имел надежную поддержку.

Противники прогресса, видевшие угрозу в лице Абая, доносили из Семипалатинска, укрепления, издавна бывшего под строгим контролем царской армии, что этот поэт «сеет смуту в народе и выступает против Его Величества императора». В том, что дом просветителя считали политически неблагонадежным очагом, уже присутствует жизненная правда Абая. Передовому казахскому обществу было совсем не просто добиться признания Абая, потребовалось немало жертв, но благодаря им его наследие осталось в истории.

Провозглашенные Абаем задачи по развитию языка, распространению просвещения были ответом на завоевательную политику. И Алихан Бокейханов, первым представивший Абая Европе, раскрыл ей суть творчества поэта. Учение Абая стало главным манифестом периода ренессанса казахской истории, а наследие репрессированных алашординцев – основой современного абаеведения.

АЛИХАН БОКЕЙХАНОВ: КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ АБАЕВЕДЕНИЯ

В начале XX века под руководством ученых П. П. Семенова-Тян-Шанского и В. И. Ламанского было подготовлено и выпущено многотомное издание «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества». Работу над томом 18 «Киргизский край» доверили Алихану Бокейханову: выбор не был случайным, а означал признание степени его учености.

В среде казахов, превосходивших по своей численности и территории другие тюркские народы Средней Азии, родились такие личности евразийского масштаба, как Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев, Чокан Валиханов. Бокейханов был в одном ряду с ними. Перенявший «государственное сознание» от хана Жанибека и вышедший из колыбели языка биев времен Бокей-хана, выступивший последователем Чокана в востоковедении и первооткрывателем великого реформатора казахского общества Абая, знавший труды Ленина и Плеханова, Алихан Бокейханов продвинул казахское общество вперед на целый век. Общественное прозрение Алихана Бокейханова, в основу которого легла философия Абая, стало началом абаеведения – стержня взглядов в сфере науки, образования, политики.

Настоящую литературу Алихан Бокейханов чувствовал безупречно и глубоко проникся выразительностью национального языка Абая. Поэтому он, юрист, экономист, дальновидный политик, поместил на страницах солидного российского многотомника, наряду с описанием казахских поселений и географическими данными, информацию о национальной поэтике и философии казахов, представив Абая в этом академическом издании, которое никто не стал бы оспаривать.

Это был 1903 год, когда Абай был еще жив. В 1905 году в некрологе, написанном для «Семипалатинского листка», Алихан дополнил и систематизировал информацию о поэте. Спустя два года в «Записках Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» (1907) была напечатана биография Абая вместе с его фотографией. Следует отметить, что Бокейханов в этом общественном продвижении создал все условия, чтобы абаеведение с самого начала сложилось как наука, и его первопроходческое познание Абая в контексте казахской литературы, являя собой образец художественного видения, особенно важно. Ауэзов, завершив формирование абаеведения в его целостности, не отступил от этой концепции – «следа» Алихана.

Истоком творчества Абая, указано в упомянутом российском издании, первым открывшем казахской поэтике окно в Европу, является изустная литература – народный язык. Известно, что в архиве А. С. Пушкина сохранился список с эпоса «Козы Корпеш – Баян Сулу», сделанный им в 1833 году. Всё в нём, начиная с богатства языка, свидетельствует о культуре казахского народа, образе его мышления, способности к импровизации и запоминанию, таящих предпосылки появления такой личности, как Абай.

Алихан Бокейханов глубоко проникся реформой, совершенной Абаем в казахской литературе. В книге, изданной Радловым в 1870 году, он не мог не читать Шортанбая, Ногайбая: они были широко известны в Каркаралинском округе. С детства знакомый с поэтическим даром этих акынов, он сопоставляет их с Абаем, взвешивает, как на весах, сравнивает их поэзию с реалистическим стилем Абая. Алихан дает представление о поэзии акынов и, полностью исчерпав школу доабаевского периода, раскрывает новое направление в казахской литературе, созданное Абаем. «Наконец, как представителя нового течения в киргизской поэзии следует называть Кунанбаева – автора многих стихотворений, изящных по форме и поэтических по содержанию (особенно описания природы). Этому же автору принадлежат хорошие переводы “Евгения Онегина” и многих стихотворений Лермонтова (который оказался наиболее понятным для киргизов): таким образом у семипалатинских өлеңші – певцов можно слышать, например, “Письмо Татьяны”, распеваемое, конечно, на свой мотив» («Россия. Полное географическое описание нашего Отечества». Т. 18).

В некрологе 1905 года вместе с жизнеописанием Абая А. Букейханов тезисно формулирует и свое понимание значения его творчества: «Абай, как это покажут его стихи, представлял недюжинную поэтическую силу и составляет гордость киргизского народа. Еще не было киргизского поэта, так возвысившего духовное творчество народа, как Абай. Чудные его стихи, посвященные четырем временам года (весна, лето, осень и зима), сделали бы честь знаменитым поэтам Европы». Это завет творческого познания Алихана, который видел Абая в одном ряду с Гёте, Пушкиным, Лермонтовым.

Советское литературоведение не смогло художественно познать Абая: политизировало – выхолостило его дух. Достоинство народа, самую его вершину – Абая посчитали «копией» русской литературы. Радует, что России имя Абая, его талант были известны до революции: тогда он получил первое признание русских передовых мыслителей.

Степное генерал-губернаторство в «Особом прибавлении к Акмолинским областным ведомостям» от 18 ноября 1888 года сообщало: «Крупный научный

работник Западной Сибири и Семипалатинского края Е. П. Михаэлис обнаружил в казахской степи крупный поэтический талант. Это – казахский поэт Ибрагим (Абай) Кунанбаев. Михаэлис несколько лет занимался его воспитанием. В результате чего у казахского народа появился замечательный поэт Кунанбаев, вся степь с любовью читает его талантливые произведения: как написанные самим поэтом, так и переводы (он перевел на казахский язык басни Крылова, некоторые произведения Пушкина)».

Впервые под своим именем Абай опубликовал в газете «Дала уалаяты» стихотворение «Лето» (раньше он публиковался под именем Кокбай. – Б. К.). Число его поклонников росло. Об Абае вскоре узнали и в Западной Европе: летом 1885 года в Семипалатинске побывали американский журналист Джордж Кеннан и художник Фрост, до 1890 года совершившие несколько поездок по азиатскому и сибирскому краю России. Особое внимание они уделили этнографическому разделу Семипалатинского музея: Фрост сфотографировал переданные в музей Абаем кобыз, шамдал, кожаный пояс, отделанный серебром.

О музее стоит сказать особо. В 1878 году был создан Семипалатинский областной статистический комитет. 24 сентября 1883 года комитет открыл первое в Семипалатинске культурно-просветительское учреждение – областной музей и при нем общественную библиотеку. Первым научным секретарем областного статистического комитета был Е. П. Михаэлис. В отчете Семипалатинского областного статистического комитета за 1899 год значатся его действительные члены: «...Е. П. Михаэлис... Ибрагим Кунанбаев (избран 4 мая 1886 г.)».

В отчете статистического комитета за 1886 год читаем: «В прошлом году (1885) Долгополов добавил много предметов в этнографический раздел музея, посвященный быту и традициям казахского народа: убранство казахской юрты, музыкальные инструменты, земледельческие орудия и другие» («Семипалатинские областные ведомости» № 19 от 10 мая 1886 г.). Долгополов, друг Абая, побывал летом 1885 года в его ауле, а сам Абай не смог в приехать в город – в августе умер Кунанбай. Об этой поездке 10 августа 1885 года полицмейстер в секретном рапорте генерал-губернатору Семипалатинской области пишет: «Получивший до 15 августа этого года разрешение посетить аул Кунанбая Оскенбаева Чингизской волости, Семипалатинского уезда, ссыльный Нифонт Долгополов сегодня вернулся в Семипалатинск. Сообщаю это, выполнив ваш приказ № 260-М от 11 июня».

Но вернемся к Кеннану. Американский журналист осмотрел библиотеку при музее и был поражен ее богатством. Именно в этой собранной по вкусу ссыльных библиотеке Абай познакомился с трудами лучших европейских мыслителей.

«К вечеру мы вернулись в город [Семипалатинск] и пошли к Леонтьеву, у которого собралось по случаю нашего приезда много политических, еще не виденных нами... – пишет Джордж Кеннан в книге «Сибирь и ссыльные», вышедшей в 1891 году в Лондоне на английском языке, а в 1906 году под названием «Сибирь и ссылка» опубликованной на русском языке в Петербурге. – Гостей собралось человек пятнадцать, в том числе Лобановский... Завязался общий разговор, веселый, живой, непринужденный. В ответ на мой вопрос Леонтьев рассказал мне историю возникновения семипалатинской библиотеки, говоря, что она не только служит утешением для ссыльных, но и дала большой толчок умственной жизни города».

– Даже киргизы пользуются ею. Я знаю старика киргиза – Ибрагима Кунанбаева, который не только посещает библиотеку, но читает даже таких авторов, как Милль, Бокль и Дрэпер.

– Неужто в Семипалатинске есть киргиз, способный читать Милля и Дрэпера? – воскликнул удивленно один из гостей, студент.

– Смеем вас уверить. В первый же раз, как мы с ним встретились, он удивил меня просьбой объяснить ему разницу между индукцией и дедукцией. А потом я убедился, что он серьезно изучает английских философов и читал всех названных мною авторов.

– И вы думаете, он понимает прочитанное? – попытался все тот же студент.

– Я два вечера подряд экзаменовал его насчет “Умственного развития Европы” по Дрэперу – видимо, понимает».

Лобановский и Леонтьев были друзьями Абая среди ссыльных. Если бы не умер Кунанбай, Кеннан на этой встрече мог бы увидеть Абая, который месяцы и годы посвятил умственному труду, проводя время в библиотеке и в среде своих русских друзей.

Освоение Абаем новой письменной традиции даже для сегодняшней казахской литературы – испытание, для казахского сознания – груз. Причина: революция не дала развиваться этому учению. Реформировавший казахскую письменность по концепции Абая Ахмет Байтурсынов отмечал: «...По словам писателя Алихана Бокейханова, Абай читал книги таких глубокомыслящих мыслителей Европы, как Спенсер, Льюис, Дрэпер. Из поэтов он с любовью читал стихи такого глубокомыслящего поэта, как Лермонтов. Поэтому глубокие слова Абая простой народ не понимает. Я замечаю, что люди, даже тысячу раз прочитавшие стихи Абая и выучившие их наизусть, не в силах понять смысл некоторых его стихов» (Байтурсынов А. Сочинения. Алматы, 1989). Эти строки актуальны и сегодня.

НЕЗАКАТНАЯ ЗАРЯ КАЗАХСКОЙ ДУХОВНОСТИ

В том, что в Петербурге в типографии интеллигента Ильяса Бораганского («Электро-печатня И. Бораганского», Санкт-Петербург, 1909) был издан первый сборник произведений Абая, можно усмотреть горячее сочувствие и непосредственное влияние Алихана Бокейханова. Связан с Бокейхановым и тот факт, что в 1913 году выпуск № 43 газеты «Казах» открывается статьей Ахмета Байтурсынова об Абае «Главный казахский поэт». Еще не забылась эта публикация, а в 1914 году выходит статья Миржакыпа Дулатова «Абай». В том же году на заседании общества русско-казахской интеллигенции в Семипалатинске научно-критическое обсуждение было посвящено наследию Абая: на этом заседании присутствовал и будущий «наследник» – молодой Мухтар Ауэзов.

Эта плеяда светил в казахском литературном небе глубоко поняла Абая, предвидя: казахам нужен не величественный хан, подобный Абылаю, а мудрость, остающаяся на века. Оживившего язык Абая ожидал весь тюркский мир. Чудесное искусство стихосложения Абая продолжается мудростью его философских размышлений, соединяющихся с общечеловеческими духовными, нравственными максимами, но основа основ его творчества связана с национальными чаяниями:

Не болит тело,
 Болит душа.
 Сама не своя голова.
 Стало тесно в груди,
 Сжалось сердце.
 Слезы обильно полились.

«Восьмистишия»

Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи.

Трагедия Абая – трагедия народа. Трагедия народа – трагедия языка... Когда в 1940 году Ауэзов поставил на сцене пьесу «Абай», он прикрывался участием Леонида Соболева – от своего имени он не смог бы высказаться. «Эпос и фольклор казахского народа» – ценное научное наследие Мухтара без имени Леонида Соболева не было бы издано (М. Ауэзов, Л. Соболев. Эпос и фольклор казахского народа // Литературный критик. 1939. № 11, 12).

«Не ешь остатки пищи после недоевшего человека» – гласит народная мудрость. После Мухтара остается достойная духовная пища: он доказал миру верность святой клятве, нерушимой, как закаленная сталь сабли, – клятве, данной им предшественникам, посвятившим свои содержательные жизни Абаю...

Эта плеяда в казахском небе освещает сегодня землю своим звездным светом... Преданность Абаю – преданность казахам. Традиция Абая – неповторимая, беззаветная любовь к родному народу, общечеловеческое благородное чувство, которое заставляет подставить грудь под пули, выступив против советского фанатизма. «Благородный человек – преданный» – говорил Абай. Когда их жизням из-за Абая угрожала опасность, когда судьбы их оказались на смертных весах и пробил час выбора, они спасали не свои головы, а «главного поэта казахов», подтвердив свое неразделимое единство с Абаем. Они стали светлой зарей казахской духовности. С течением времени они стали неисчерпаемым духовным богатством. А вот стали ли нашим достоянием?

Революция не приняла Абая Кунанбаева и Ахмета Байтурсынова. Почувствовавший это Сабит Муканов еще в стенах рабфака взялся за Абая: «До революции в казахской литературе не было выдающейся личности». В газете «Еңбекші казак» от 19 февраля 1924 года Сабит Муканов под подписью Тонкерисулы (сын Революции) опубликовал статью «Будет ошибкой считать Абая старшим братом казахского народа». Прочитав эту статью, народный комиссар просвещения Туркестана Султанбек Ходжанов воспротивился: «...Написав о том, чего нет, загрязнив литературное пространство, приведя имя товарища Сакена в начале и в конце, уж не клеветает ли подписавшийся как писатель Тонкерисулы?! Это слова досады того, кто сам не смог добиться лидерства?! Если Абай и Ахмет не выдающиеся личности в казахской литературе, значит, нет выдающихся?! А если есть, то кто?! Укрепивший своим трудом основы национальной литературы, разве Ахмет Байтурсынов не первый из всех выдающийся деятель казахской национальной культуры?!» (газета «Ақ жол» от 3 апреля 1924 года). По мнению же Сабита Муканова: «Если взять Ахмета, то он не Ахмет всех казахов, а Ахмет господ белых воротничков» («Еңбекші казак» от 1 марта 1923 года).

Раздосадованный Сабит сам свидетельствует, как он со своими сторонниками закидал приверженцев С. Ходжанова гнилой картошкой и капустой (С. Муканов.

Избранные произведения. В 16 т. Алма-Ата, 1976). По закону Будды, в основе злости, мщения, яростной досады и ненависти – безграмотное невежество. Восхитивший Ленина и Сталина блестящим научным ораторством Султанбек Ходжанов своим предположением: «Это слова досады того, кто сам не смог добиться лидерства?!» безошибочно точно находит болевую точку казахского общества. В 1923 году в самом большом зале Оренбурга – клубе имени Свердлова собралось больше тысячи человек. Открывшееся вводной речью Сакена Сейфуллина заслушавшее доклад Смагула Садвакасова «Впереди Акана» (Акан – Ахмет Байтурсынов) собрание было разогнано описанным Муқановым способом – закидано гнилой картошкой и капустой.

Статьей «Ораторы, не угодите на черную доску!» («Енбекші казак» от 1 марта 1923 года) еще долгие годы здравствующие персоны открыли первую страницу «казахской советской литературы». В противостоянии с основным на науке и образовании казахским литературоведением советское абаеведение вступило не на эволюционный, а на «революционный» путь.

Бокейханов сразу понял, что путь пролетарской революции принесет беды казахскому народу: эта нагрянувшая революция, ее вождь Ленин, «попирающий демократические принципы», приговоры с первого дня революции – вот их «научная гипотеза». Историзм этой «теории» мы находим у Байтурсынова, вовремя забившего тревогу: «...Жестокое правительство плохо восприняло литературную деятельность, избравшую путь доброты (гуманизма). Ничего не слушающее, говорящее “Да здравствует жестокость”, не дающее оппонентам возразить, ударяя себя в грудь, стало показывать силу».

Во времена Абая казахи испортились,
Черной стала красная кровь,
Нет больше любви к ближнему,
Предаются пустословным мерзким страстям.

С. Торайгыров.

Из поэмы «Айттыс»

СОЗДАВ ОБЪЕДИНЕНИЕ «АЛКА», МАГЖАН ВЗЯЛ НА СЕБЯ НОШУ АБАЯ

В поэтическом пространстве: время Абая – время Магжана, в просветительском направлении: Магжан – закономерное продолжение Абая. Высказывание Ауэзова «После Абая я люблю Магжана» – сокровенное историческое слово человека, сумевшего в нужное время распознать эту систему: гениальные личности казахской нации, опережающие в мировом контексте цивилизационный прогресс, по закону диалектики не могут не столкнуться с реакционной силой. Так, столкнулись с ней знанием и разумом те, кто превзошел уровень рода тобыкты и всего казахского общества:

Образования нет, знанию доверия нет,
Без талантов, неумехами состарятся твои дети.

В 1898 году задетый за живое просветительской критикой Абая Оразбай Аккулов на повторных выборах волостных и биев Семипалатинского уезда собрал группу хулиганов, которые осмелились поднять руку на неприкосновенного поэта. Эту трагедию Абая – народную трагедию полностью повторил Магжан.

Магжан оживил дух Абая, испившего яд одиночества...

Суд над Магжаном, прошедший в Оренбурге в начале 1924 года, постановил (Сабит Муканов. Избранные сочинения. В 16 т. Т. 10. Алма-Ата, 1976):

«Магжан Жумабаев признается истинным врагом казахского народа и советского правительства, под опекой которого находится казахский народ.

Все его произведения должны быть изъяты из доступа к чтению.

С этого момента на страницах советской печати не должно быть мест произведениям Магжана Жумабаева».

В ответ на это постановление суда Магжан пишет:

Я не умру, и ничто мое не умрет,

Лишь невежда не знает, что смерти нет.

Сам царь, сам судья, сам бий,

Какой глупец потребует с меня ответ?

Этим ответом в газете «Тілші», – по сути, «объявлением себя» в стиле мудрого учения Абая, – Магжан раздувает огонь ненависти к себе.

С этого времени ему доведется почувствовать на себе рубище, надетое некогда Абаем:

Как ты, родившийся ханом из черни.

Мир не получит тебя обратно, даже молясь.

Это провидческое предсказание Магжан сделал в неполные двадцать лет. Магжан провидел Абая как светлое утро Востока – Европе, не успевшей восхититься поэтом.

Не достигнув тридцати лет, Магжан создал поэму «Батыр Баян», поднявшись на высоту Байрона и Лермонтова. С этой высоты он увидел и понял, прочувствовал сердцем тот ад, в котором оказались казахи в начале XX века. Он, заняв в казахском обществе место Абая, не мог не взять на себя его ношу.

Особенность Магжана в том, что он не пошел по следам Абая, а нашел свое поэтическое пространство, открыл свой художественный метод. Однако если бы он не впитал сам дух Абая, он мог бы стать жертвой обвинений в подражательстве русской, татарской, ногайской поэзии. Ауэзов назвал метод Абая критическим реализмом. Традицию развития казахской литературы того периода Байтурсынов и Ауэзов определили через творчество Магжана как романтическую. Сегодня пишущие о Магжане обращаются к мнению Сабита Муканова. Ш. Елеукенов пишет: «Он дает знать, что больше нет возврата к символизму» (журнал «Жулдыз» № 6 за 1992 год), а Ж. Коргасбек говорит: «Это же поэт-символист» («Абай ТВ» от 26 июня 2021 года). Первый стремится приблизить Магжана к революции, «пролеткульту», второй хочет противопоставить поэта ему. Получается, Магжан всё еще находится в тисках КазАППа?! В противном случае зачем сегодня твердить новому поколению старое мнение: «Магжан – поэт чувства, Абай – поэт разума», высказанное в 1920-е годы Аймаутовым и повторенное в 30-е годы Мукановым?! (С. Муканов «Казахская литература 20 века». Алма-Ата, 1932).

Родившийся великаном по духу, Магжан не боится умереть, «всходя на луну» («“Луну достань!” – Я на луну взошел»), он боится бездумности – оглядывается на Абая: «Из бездумного, неразумного огня создал себе божество, задыхайся, глупец, будут надо мной смеяться». Втискивать этих двух поэтов в рамки предложенной классификации – оставшийся от тех времен перегиб.

Биржан, современник Абая, свидетельствует: «Без разрешения к нему не пойдет уездный» – дух Абая подобен духу Афрасиаба, который 400 лет не давал ступить ноге врага в Туран. Магжан, «читавший священное слово всему миру», верил, что Абай охраняет казахскую литературу от чужих рук: «У поэта друга нет среди людей, он доверит свою тайну только перу»; «Как могила баксы, остался один – вот моя правда» – разве эти строки не выдох единого мироощущения?!

...Суд над Магжаном в Оренбурге нашел свое продолжение 18 ноября 1924 года в Москве. От имени казахской интеллигенции с докладом выступил Назир Торекулов. Вторым покровителем Магжана был Султанбек Ходжанов, который поддержал Назира, опубликовав в газете «Еңбекші казак» от 31 января 1925 года статью о критике в адрес Магжана.

Закономерной стала публикация статьи «Мы не можем быть ничьей дубинкой» («Еңбекші казак» от 21 апреля 1925 года), под которой подписались 17 студентов во главе с Турмагамбетом Изтилеу... Магжану оставалась только тюрьма. И он, обратившись к Абаю, написал декларацию литературного объединения «Алқа».

Магжан развеял тьму, которая сгустилась над казахской духовностью: не дал пустовать месту Абая в казахском обществе. Казахские интеллигенты были к этому готовы: А. Бокейханов, М. Ауэзов, Ж. Аймаутов, С. Садуакасов, Е. Омаров, Е. Алдонгаров, Ж. Тилеулин познакомились с проектом Магжана, добавили к его энергии свою. Программу хотели опубликовать в журнале «Қызыл Қазақстан» («Красный Казахстан») – но КазАПП этого не допустила, и рукопись в течение века ждала своего исторического часа в архивах КГБ. Зато программа стала катализатором литературно-художественной мысли: дискуссия, начатая «Алқа», дала развитие общественной мысли начала XX века, обозначила направления науки и искусства, продолжилась в теоретических трудах, в написанных учебниках. Однако в казахскую советскую литературу не проникла. Причина, по Сабиту Муканову: и общественная мысль, и творения искусства должны рождаться в умах бедняков.

В период изгнания Магжана из общества Кошке Кеменгеров, в толковании программы коллегии «Алқа» пошедший на спор с Сабитом Мукановым, получил такой ответ от автора платформы КазАПП на свою лекцию от 1 декабря 1926 года по проблемам художественного искусства: «...Хотя они красивы снаружи, внутри у них яд. Этого особенно много встречается у Магжана. На взгляд националистов, Калмакан Абдикадыров – малограмотный батрак, пошедший от земли. Но это самая настоящая житейская поэзия» («Қызыл Қазақстан» № 22–23 за 1927 год).

...Спустя месяц после суда над Магжаном в Москве 25 декабря 1924 года Сабит отправил жалобу на 72 страницах и автобиографию в Центральный комитет партии на имя Сталина: «Распространение среди темных масс народа художественной литературы, близкой по своему духу пролетарской идеологии, казалось бы, должно входить в основные задачи органов просвещения в Киргизской республике. Но этого не видно. Органом просвещения Киргизской республики – Академическим центром и Наркомпросом за все время существования Киргизской республики изданы: 1) сочинения Жумабаева, 2) Дулатова, 3) Байтурсынова... – националистические стихи и другие произведения».

Рукопись, которую редактировал секретарь краевого комитета партии Габбас Тогжанов и на которой Иосиф Сталин слева написал: «Отобрать лучшие стихи из сборника тов. Сабита Муканова и издать сборник», попала в руки директора

«Восточного издательства» Назира Торекулова. Назир передал рукопись для редактирования живущему в Москве Бокейханову. Алихан написал: «Нельзя печатать такую демагогию», и Назир отправил рукопись с этой подписью вслед за Сабитом в Оренбург. Сабит попытался издать сборник в Академическом центре в Кызылорде, но директор центра Молдагали Жолдыбаев не осмелился сделать этого. Уязвленный Сабит, взяв с собой сопровождающим Умбета Балкашова, 19 января 1925 года попал на прием к Сталину...

Даже приезд Голощекина в Казахстан не смог сломить Магжана, который отвечает следователю: «“Алқа” была задумана в 1925 году, в 1926 году была распущена» (подписано датой 27 июля 1926 года). КазАПП 4 ноября 1926 года на общем собрании трудящихся утвердила платформу С. Муканова. «Алқа» стала головной болью КазАПП: ассоциация продолжает бороться с ней, одна из главных задач платформы – утвердить литературу рабочих и крестьян, противостоящую байско-националистической литературе (С. Муканов. Школа жизни. Т. 3. Алма-Ата, 1970. С. 19).

Приехавший в республику Голощекин должен был в соответствии с Постановлением Центрального комитета ВКП (б) от 18 июля 1925 года «Политика партии в отношении художественной литературы» осуществить культурную революцию в сфере литературы. КазАПП усилила позиции Муканова. Высказавшийся по поводу перегибов этой политики Смагул Садвокасов написал статью «Сегодняшняя эпоха – эпоха дела»: «...Мы никогда не сможем сказать: “Мое только новое, это новое меня удовлетворяет, мне его достаточно”» («Лениншіл жас» № 7 за 1925 год) и от имени Центрального комитета выступил в защиту концепции «Алқа», проявив позицию гражданина, ученого, наконец, личностное отношение. На что Сабит ответил: «Наша эпоха – эпоха борьбы. У партии “Алаш-Орда”, приверженной чаяниям своего класса, есть такой поэт, как Магжан. Исчезнув на бумаге, они еще не умерли» («Еңбекші қазақ» от 14–15 ноября 1926 года).

В 1930 году, оказавшись в тюрьме, Мухтар Ауэзов сказал: «...Я заметил в этой декларации («Алқа») – у кружка есть право на открытое существование и на публикацию своих мыслей в печати. Потому что вместо прежних высказываний М. Жумабаева эта платформа написана с левым уклоном, близко к сегодняшнему времени. Платформу Жумабаева поддерживаю».

Казалось бы, проигравший Абаю Сабит на деле вовсе не проиграл. Когда в 1951 году нападки на Абая повторились с новой энергией, действительный член Академии наук КазССР Мухтар Ауэзов написал статью «По поводу наследия Абая», в которой защитил основы абаеведения, заложенные лидерами Алаш-Орды: «...товарищ Нурышев обвиняет собирателей наследия Абая, он намекает на разные сомнительные вещи, запугивает народ отдельными личностями, подстрекает против них, распускает о них клевету. Когда мы сделали полный обзор стихов молодости Абая, обвиненные Нурышевым собиратели, исследователи (конечно, Бокейханов, Байтурсынов, Ауэзов. – *Б. К.*) в глазах читателя, считающегося с ясными доказательствами и фактами, будут не виновными, а выполнившими правильную, нужную работу...» Результатом публикации этой статьи стало то, что преследуемый Ауэзов, сам испытав давление, нашел себе в 1953 году убежище в Москве (Вестник Академии наук Казахской ССР, февраль, № 2). «Очищение» науки от ученого – эта большая кампания, начавшаяся после 37-го года, пошла на убыль только после смерти Сталина.

...Для каждого, кто берется за перо, испытание – держать незамазанной страницу истории сегодняшнего дня, когда взято направление цивилизационное, а не тоталитарное. Официально в стране объявлена независимость, но «виляние хвостом» вокруг наследия Алаш-Орды продолжается. Вооруженные установками Сабита литературоведы не сходят с пути, проложенного им: они противодействуют колесу истории, запущенному Абаем – Магжаном – Ауэзовым – Мусреповым. Для нового поколения готовятся кадры «новой казахской литературы».

Так, произведшая в свое время большой общественный резонанс «Алқа» разошлась, как платье, по швам и упала в пропасть разнотолков. Мамбет Койгелды, пересмотрев «Алқа» с «новой точки зрения», заменил это название на «Введение» – «Табалдырық», однако десять лет назад он не претендовал на авторство Магжана («Қазақ әдебиеті» от 6 мая 2011 года). Теперь говорят о «новых данных»: «Введение» Магжан писал не один, а вместе с Сарсенбиным и Аймаутовым («Абай ТВ», 2021 год). Т. Журтбай сообщает: «Магжан открыл в Ташкенте организацию под названием “Алқа”» («Жұлдыз» № 10 за 1991 год). Дандай Ыскак пишет в учебном пособии: «В 1925 году приехал Голощекин. В 1926 году организовали КазАПП. Алашординцы под начинанием Магжана Жумабаева принялись создавать союз писателей под названием “Алқа”» («История литературной критики». Алматы, 2012. С. 43).

Все это, видимо, решается не открытым демократическим путем, а закрытым оппортунистским: из Сабита делают истину, Магжан становится легендой...

Р. С. Последнее слово Магжана: «Волка съел его волчонок» (Сайфи Кудаш // «Қазақ әдебиеті» за 22 декабря 1988 года) – историческое слово.

Бокейханов 6 августа 1937 года сделал заключение, что революция принесет катастрофу казахскому народу: «В Москве в разное время я имел связь с некоторыми студентами-казахами. Они посещали меня на квартире... В 1933 году, помню, я говорил о гибели (!) казахского народа...» (следственное дело № 12-066).

